

4 Дек 1913

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
МОСКВА

= ТАМ, ГДЕ ПОПИРАЮТ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА =

ЗА КУЛИСАМИ «ТЕАТРАЛЬНОЙ ВОЙНЫ»

КАК РАСПРАВЛЯЮТСЯ В ФРГ С НЕУГОДНЫМИ РЕЖИССЕРАМИ

«Гамбургский драматический театр «Шаушпильхаус» проводит «политику выжженной земли».

«Радикально - коммунистические спектакли на подмостках Гамбурга».

«Социал-демократы в общину с коммунистами?»

Материалы под такими претенциозными и провокационными заголовками вот уже несколько месяцев крепко появляются в гамбургской «Вельт» и других шпрингеровских газетах и журналах. Что же чрезвычайного произошло на сценах драматических театров Гамбурга, снискавшего себе в ФРГ славу города театров, и почему так нервничают контролируемые Шпрингером средства массовой информации?

«Театральная война» в Гамбурге подготавливалась не один год. Своим острым она была нацелена прежде всего против одного из авторитетнейших театральных деятелей страны, главного режиссера и интенданта гамбургского драматического театра «Шаушпильхаус» Нагеля. Президент функционировавшего под эгидой ЮНЕСКО Международного института театра, талантливый режиссер Нагель за семь лет возродил былую славу театра, прославившись оригинальными режиссерскими решениями. Отмечалось и его гражданское мужество, которое он проявил, пригласив для постановки пьес Брехта в «Шаушпильхаусе» двух режиссеров из ГДР — Карге и Лангдорфа: пылушая ненавистью к ГДР шпрингеровская печать постаралась раздуть этот общеприятный в практике межтеатрального общения шаг до масштабов политического скандала в культурной жизни города.

Творчески мыслящий художник, человек прогрессивных убеждений, Нагель стал приглашать в свою труппу молодых актеров-единомышленников, стремясь придать

острое актуальное звучание даже классическим произведениям, повествующим о событиях далеких эпох. Так пришлось решение по-современному прочесть трагедию Шекспира «Отелло». С ведома и благословения главного режиссера афиша, возвещавшая о премьере этого спектакля, была выполнена художником таким образом, что акт удушения Дездемоны обнаруживал недвусмысленную связь с широко распространенной в Западной Германии практикой запретов на профессии и духовного удушения «нетрадиционно» мыслящих деятелей искусства и культуры. После первого спектакля не только бульварная пресса, но и претендующие на солидность буржуазные газеты подняли истерический вопль о коммунистическом заговоре, якобы готовящемся «безответственным интендантом Нагелем».

Шпрингеровские газеты и журналы старались переключить друг друга в клеветнических намышлениях, в злобной травле Нагеля и его труппы, требуя от гамбургского сената сместить его с поста интенданта или по крайней мере «дать по рукам зарвавшемуся режиссеру». Сенатор по вопросам культуры Бналлас, учитывав популярность Нагеля, не рискнул последовать этим советам впрямую и начал борьбу против него, сокращая дотации театру, без которых труппа не может существовать. Интендант, актеры и технический персонал успешно противостояли этому давлению.

После краткого затишья новый сенатор по вопросам культуры Тарновски продолжил усилия по «наведению порядка» на культурном горизонте Гамбурга. Чтобы выжить у Нагеля почву из-под ног, сенатор решил учредить институт «генерального интенданта» для всех государ-

ственных театров города. Разгадав эти планы сената, направленные на ликвидацию автономии городских театров в распределении дотаций и в репертуарной политике, труппа «Шаушпильхауса», поддерживаемая зрительскими советами и профсоюзами, решила дать отпор и начать забастовку. Произошло то, чего не случалось на сценах западногерманских театров с конца бурных 60-х годов. На целых пять дней прекратились репетиции и спектакли труппы.

В этой «театральной войне» шпрингеровская печать «обстреливала» как бастующих, так и городские власти во главе с бургомистром социал-демократом Клозе, «непустительство» которого, по утверждению газет, и привело к возникновению «театра коммунистической пропаганды» во главе с Нагелем.

«Театральный кризис» явился для правых сил вместе с тем подходящим поводом для развертывания параллельной кампании против бургомистра как раз в то время, когда гамбургская организация СДПГ во главе с Клозе обсуждала вопрос о некоторой либерализации в применении «указа о радикалах», в том числе и в отношении деятелей культуры ФРГ.

Массированное психическое давление на Нагеля вынудило его преждевременно расторгнуть контракт с сенатом. Вместе с ним покинул Гамбург другой крупный режиссер, интендант драматического театра «Талия» Гоберт, снискавший себе известность постановкой на сцене этого театра русской классики, в том числе пьесы «Дядя Ваня» Чехова. Реакционные театральные критики пи за что не хотели простить Гоберту ни его участия в активизации культурных связей ФРГ с СССР, где «Талия» в ходе четырехне-

дельного турне познакомила советских зрителей с интерпретацией «Марии Стюарт» Шиллера, ни заявления по возвращении домой о том, что «гости из ФРГ избавились от некоторых предрассудков». Мюнхенская «Зюддойче цайтунг» отмечала: «Несмотря на различия между Нагелем и Гобертом, в сложившейся ситуации их объединяет то, что высказывания обонх истолковывали в провокационном духе, а их творчество сознательно замалчивали». Кстати сказать, у Нагеля есть «печальный» предшественник — в прошлом интендант гамбургского театра «Шаушпильхаус» Эгон Монк, которому еще восемь лет назад пришлось расстаться со своим делом из-за стремления познакомиться соотечественников с драматургическим наследием Вертольда Брехта.

Практика гонений на неугодных театральным режиссерам-интендантам в ФРГ (заметим, что в этом особенно усердствуют представители ХДС, имеющие большинство в городском управлении ряда крупных городов) обогащается все новыми примерами. Нынан со своего поста интендант драматического театра в Висбадене Дитер Эберт, пришлось уйти из Штутгартского театра Клаусу Пейману. Несмотря на многочисленные протесты деятелей культуры самых разных политических взглядов уволен художественный руководитель популярного театра для молодежи и юношества «Тат» во Франкфурте-на-Майне Герман Тройш. На их место власти приглашают, как правило, менее самостоятельных режиссеров, воздерживающихся от постановок, содержащих критические оценки внутриполитической обстановки в ФРГ.

Хотя забастовка в гамбургском театре «Шау-

шпильхаус» закончилась в общем-то неудачей, она привлекла к себе внимание всей страны и не только в связи со столь необычной формой протеста деятелей культуры. Происшедшее в Гамбурге в значительной степени напоминает ситуацию, сложившуюся во многих больших и малых городах ФРГ. Так, в Гамбурге «отцы города», с одной стороны, стремятся обесценить «культурную репрезентацию в федеральных масштабах», а с другой — сокращают отпускаемые средства, заставляя театральные труппы биться в тисках финансового дефицита. Между прочим, Гамбург с его слабой «культурной метрополи» ФРГ значительно уступает по расходам на культурные нужды другим крупным западногерманским городам.

«Театральная забастовка» поставила на повестку дня важные задачи борьбы за демократическое обновление духовной жизни ФРГ. Она продемонстрировала, что в конечном итоге речь идет не только и не столько о личности того или иного интенданта, сколько о том, что реакционные силы и находящиеся в их руках средства массовой информации встречают в штыки любые прогрессивные шаги в области культуры и искусства. Несмотря на неравные силы, забастовавшие в Гамбурге актеры не пошли на попятную, ибо ощущали солидарность своих коллег по искусству. В борьбе за право участвовать в формировании репертуарной политики театра, за решение социальных проблем они все больше опираются на своего главного союзника — профсоюзы. Среди художественной интеллигенции ФРГ зреет убеждение, что не в одиночку, а с опорой на рабочее движение она добьется своей цели — сделать искусство доступным для широких кругов западногерманского общества.

Владимир КОТЁЛКИН.